

9. ПЕНЕК У ДОРОГИ

Электор — избиратель, выборщик (перевод с латинского). *Электорат* — группа (сообщество) избирателей, обладающих схожими мировоззрением, социальным поведением, психологическими мотивациями.

Вид биологический — совокупность особей, способных к скрещиванию с образованием плодovитого потомства. Образует популяции. Обладает общей эволюционной судьбой.

Заглянув в словари, отправимся в историю современности. Посмотрим, какой путь прошел электорат Лукашенко. Наилучшее свидетельство — наша хроника. У каждого явления есть динамика, история, эволюция. Они обостряют наше зрение.

Типичного белоруса мне хочется назвать — *придорожный*. Почему? Потому что в массе своей он застыл на обочине европейской дороги, как телеграфный столб. Время пролетает мимо. Цивилизация уходит вперед. Народы делают свою судьбу. А белорус не шевельнется. Он уже стал пеньком. Ведь допотопный столб у дороги спилили, проложили современную связь. Пеньки остались сами по себе, без связи с миром и друг с другом.

10 июля 1995 года.

Президентский референдум свершился. Государственная дума немедленно направила Лукашенко свои поздравления с победой.

В тот же день мой десятилетний сын Коля принимал в своей комнате двух друзей-одноклассников. Слышно было, как они там привычно возились, то шумя, то притихая. И принося покой в души взрослых, которых всегда уравнивает мирная игра детей.

К взрослым и явился Коля. Он сообщил, что одному из его друзей очень хочется есть. Это было непривычно. Современные дети отличаются тем, что отнекиваются от угощений. Затащить их на кухню почти невозможно. Чувствуется активное воспитание современных родителей. "Ничего не бери! Может, у них самих холодильник пустой!" Этот — попросил. Значит, случилось нечто чрезвычайное?

Случился республиканский референдум. После одного мероприятия семья собралась за ужином: бабушка, которая жила неподалеку в однокомнатной квартире, но ежедневно приходила помогать дочери по хозяйству; папа и мама, работающие каждый на двух ставках, чтобы выжить; и он, внук. Три

поколения за одним столом. В привычный семейный разговор в тот день бесцеремонно вторгся референдум.

Выяснилось, что бабушка голосовала "за" президентские предложения, а дочь и зять — "против". Семейный ужин превратился в политическую дискуссию. Молодые обвинили старую женщину в том, что по ее недомыслию внук так и будет, как она, прозябать в несамостоятельной стране без собственного языка и под нелепым советским красно-зеленым флагом. Старуха взвилась от идеологического негодования и заявила, что под этим флагом ваш покойный отец шел в смертный бой с фашистами и что с предателями она больше не желает знаться. Сделав политическое заявление, бабушка ушла домой.

На следующий день, придя из школы, внук обнаружил опустевший без бабушки дом и в нем — пустой холодильник. Сделав в одиночестве уроки, он пошел к другу Кольке. Я понимаю его. Он как бы осиротел. Что и должно было случиться. Непременный итог всех взрослых политических игр — осиротевшие дети.

Кто же победил в этой семье, являющей собой типичнейший итог всебелорусского референдума, инициированного и организованного президентом Лукашенко?

Бабушка? Но она озлобилась на детей, на судьбу. Дети? Но они позволили себе бессердечно перечеркнуть жизнь своих родителей, высмеять их путь. Представитель третьего поколения, наш десятилетний друг? Но его пришибла громкая ссора дорогих ему людей; если они не помирятся, в его психике произойдет надлом.

Победу праздновало несчастье.

Так с чем же соизволила поздравить Госдума президента Беларуси и в его лице — всех нас? С тем, что брат отдалился от брата, потому что зачеркнули разные строчки в подсунутых им бумажках? С тем поздравить белорусскую семью, что жена после референдума отвернулась в постели от мужа, иронично отозвавшегося о ее походе на избирательный участок (сам он был на рыбалке)?

Радоваться или скорбеть можно о стране, которая после референдума катастрофически разделилась на старых и молодых, взаимно не понимающих и не принимающих друг друга? Что можно сказать об обществе, которое порвало не только со своей древней историей, но и новейшей?

Референдум — большое несчастье большой семьи. Беларуси. Только безответственный аморальный "коллективный разум" додумается по сему поводу до поздравлений. Это равносильно тому, как если бы мы поздравили

Россию с Чечней. Да, это несчастья одного типа: в России — Чечня; в Молдове — Приднестровье; в Азербайджане — Карабах; в Грузии — Сухуми; в Беларуси — референдум.

Коллективный разум как таковой — не существует. Существует коллективный психоз. Его искусно вызывают в нужный для них момент политики. Коллективный приговор им нужен на миг. В следующий момент политики могут его проигнорировать. Или провести антиреферендум, то есть вновь вызвать психоз и получить противоположный результат.

Общество можно легко нацелить на многократное "переголосование", можно заставить быстро забыть итоги голосования. Такая судьба многих референдумов, западных и отечественных. По этой причине — зыбкость результата — серьезные политики в мировой практике редко прибегают к референдуму, особенно по таким тонким вопросам, как язык, нация, символы, отношение к географическим соседям, к ... папе-маме.

Образчик идиотского референдума. К вам приходит дальняя родственница. Тербит вашего карапуза, спрашивает: "Кого ты больше любишь — маму или папу?".

На глупый вопрос дитя, подумав, отвечает мудро: "И папу, и маму."

По моим наблюдениям, так отвечает большинство наших мальчиков и девочек. Дитя по природе своей не приемлет социальных провокаций, вызывающих катастрофы и несчастья. Дитя — как природа, а она нацелена на рост, на развитие. На будущее.

Катастрофа. Жутко смотреть на селение, разваленное землетрясением, и знать, что под грудами домов — люди, уже умершие или умирающие в эту минуту. Боль и сострадание непременно переливаются в вопрос: неужто они не знали? Засыпая живыми-здоровыми, вслушиваясь в себя, в звезды, сливаясь с твердью ложа, соединенного посредством пола, потолка, стен, фундамента со всем мирозданием, — не почувствовали предупредительный сигнал? Неясную тревогу, озноб, головокружение, свечение в глазах?

Нет. Все заснули, не получив информации о беде, которая стояла в изголовье.

ИНФОРМАЦИЯ была единственным спасением, но к людям не пришла, как пришла к зверям, птицам, паукам, разным ползучим гадам, которые спаслись.

В Казахстане, под Алма-Атой, лет двадцать назад действовал заповедник, где ученые изучали поведение фауны накануне землетрясения. Менялось поведение всех: грациозных сайгаков, уродливых ящериц, ядовитых

скорпионов, юрких мышек, вредных гадюк, безвредных ужей, даже осы жужжали как-то не так, как каждый день.

Этих сайгаков, ящериц, скорпионов, мышей, гадюк, ужей, ос и прочая, прочая следовало бы назвать носителями и поставщиками информации. ЖУРНАЛИСТАМИ ОТ ПРИРОДЫ, а не от лукавого. Каждая особь несла личную информацию, свою точную правду о состоянии природы. Множество правд, сливаясь воедино, превращалось во всестороннюю (плюралистичную) информацию о том, как жить и выжить человеку, человечеству, цивилизации. Ну и, понятно, фауне.

Чтобы выжить, всем надо двигаться в одном направлении, выработанном предшествующим развитием мира. Мир развивался, чтобы жить. В силу природных особенностей один будет в ГЛАВНОМ направлении ползти, второй — бежать, третий — лететь...

Лебедь, рак и щука — особи от природы плюралистичны, однако инстинкт самосохранения в ответственный период подсказывает им, что делать, чтобы не погибнуть. Так же, как подсказывал обитателям Алма-атинского заповедника, этим органическим журналистам, информирующим всех и вся, в том числе людей.

Если их информацию передать видеорядом, получится телевидение, если пересказать — газета. Осталось зарегистрировать СМИ, как принято в нашем государстве. Смотрите, читайте. Потребляйте информацию исключительного качества, доставленную журналистами высшей пробы.

Однако названный заповедник взяли и закрыли. На естественном пути фауны, желающей спастись и жить, встал выродившийся ее представитель, некий сусликоподобный, утративший связь с землей и небом, и завопил: землетрясения не будет, возвращайтесь в свои норы и гнезда!

Примерно по такому сценарию работают в Беларуси президентские средства массовой информации, укомплектованные сусликами. Те радиопередачи, телепрограммы, газеты, которые вопят о предстоящем несчастье, душат.

Конечно, с закрытием заповедника жизнь природы не прекратилась. Поведение фауны осталось естественным. Прекратилось лишь поступление к людям правдивой информации. Спасительной. И началось производство и распространение информации ложной, сусликовой. Убийственной.

Суслик нужен, чтобы антиинформацией ослеплять, оглуплять, отравлять. Ликвидировать нормальные функции организма. Не продолжать вид.

Скажите мне, какие газеты вы читаете, — я предскажу, что будет с вами завтра.

1 ноября 1996 года.

В государстве прибавилось почетных званий — "Участник первого всебелорусского народного собрания передатчиков полномочий всенародноизбранному президенту".

Новым почетным людям, как заведено в нашей стране, установлены льготы: бесплатный проезд туда-обратно на процедуру передачи полномочий, трехразовое питание в день передачи, охрана силами внутренних войск и ОМОНа от оставшегося белорусского народа, наручные часы отечественного завода со специальной символикой.

Звание присваивается лицам обоего пола независимо от возраста, интеллекта, национальности, но при обязательном наличии ладоней, ибо процедура передачи полномочий заключается в рукоплескании как реакции на просьбы президента отдать ему полномочия.

Чем больше просьб берущего, тем выше пульс дающего. Чем жарче рукоплескания, тем эффективнее общественно-медицинская процедура передачи (переливания) полномочий. Эффект на глазах трансформируется в аффект. О чем свидетельствуют стены Минского дворца спорта.

Бабушки-участницы готовы были отдать президенту не только свои полномочия по формированию сената, но и по завязыванию бантов в косички внучат.

Предколхоза передавал виды на урожай бульбы.

Дедушка — традиции борьбы, так как ничего больше за свою жизнь не накопил, автоматически перейдя из коммунистической партии в партию обманутых вкладчиков.

Мужчины-участники до рукоплескались до такого состояния, что забыли, что же еще оторвать от себя.

Женщины тоже изготвилились к государственному поступку.

Человек в погонах выливал из себя и вливал в президента вековое ощущение натовской угрозы и десятилетнее томление своей семьи по квартире.

Ученый передавал президенту мозги. Чтобы не утекли за рубеж.

Областной губернатор передавал завернутые в бумажку успехи. Прежде чем принять, президент пококетничал, потому что в спортивном зале

находились девушки, которые отдавали самое дорогое, что у них есть, — будущее.

У доярки тоже ничего не осталось, кроме колхозно-песчаных земель, приправленных Чернобылем. Она и отдала без раздумий.

Представитель интеллигенции театральным жестом бросил президенту творческую импотенцию лакействующих журналистов, писателей, певцов, актеров, актрис, композиторов, художников, режиссеров.

В этот момент берущий полномочия увидел, что привалившее изобилие вот-вот раздавит его, — и прервал массовый психоз. Прервал так же легко и просто, как начал. Как кио. Или кашпировский. Или дуров.

В списке осталось еще три десятка желающих отдать свои полномочия без остатка, вплоть до зрения и слуха. Они были несчастны и требовали: возьмите, Александр Григорьевич! Но они уже повторялись, то есть ничего нового не предлагали. И он — не взял, и глаза и уши остались при них, несчастных.

В этом абзаце моего репортажа из адской процедурной зарождается надежда на то, что вышеуказанные несчастные еще могут сделаться счастливыми. Что сохранившиеся при них полномочия — зрение и слух — поспособствуют в дальнейшем возрождению еще одного полномочия — человеческого достоинства со свойственными ему мыслью и стыдом, а их ладони, отболев от процедуры передачи полномочий президенту, начнут делать привычную для них земную работу, отличающую человека от управляемой куклы либо от дрессируемого животного.

Поскольку свое полномочное зрение они не передали, то и мне хочется воскликнуть: новые почетные люди моей страны, посмотрите на свои ладони, ведь они так много умеют, ваши трудовые ладони! Не отдавайте свое последнее достояние.

С вас строгают живые клинья, чтобы расколоть народ Белоруссии на хороший и плохой. Вас науськивают на каждое независимое слово. Вас как зомби натравливают на свободолюбивых детей и внуков, отобрав полномочия нормального человека — отцовство и материнство. Из дворца спорта вас послали остановить в центре Европы, в Белоруссии, человечество и время, а затем направить их вспять. Гляньте на дареные президентом часы — они остановились!

По возвращении с собрания некоторые участники обнаружили, что их часы не идут. Президентский заказ выполнялся на заводе авральным методом, всенародные часы оказались недоделанными. У часовщиков не

хватило полномочий: отдали президенту, останавливающему Белорусское Время.

5 октября 1997 года.

На съезд в столице собрались лучшие представители народа, деятели, формирующие будущее, то есть, как вы уже догадались, учителя. 625 делегатов.

Белорусское учительство в основном голосовало за Лукашенко. Перед выборами он многое учителям обещал. Естественно, не выполнил. Нищее учительство объявляло предзабастовочное состояние. Для успокоения школе подбрасывали какие-то крохи, последний раз — перед съездом. Президент смело взлетел на трибуну и дал волю распиравшим его мыслям и чувствам.

Российское телевидение издевается над белорусским народом, сообщил президент, но я не позволю. Разные березовские и гусинские мстят, что не пропускаю через границу их контрабанду (одобрительные аплодисменты).

"На московских телеканалах сидит стопроцентное жулье", — говорил президент, и учительская аудитория взрывалась бурными аплодисментами. Жулики загнали Ельцина в угол, он вынужден им подчиняться, продолжал Лукашенко, но дружбу народов они не разорвут, за ней будущее, ведь мне 40, а Ельцину 80 (психологи квалифицируют сию речевую ошибку однозначно: оскорбление).

"Лица из окружения Ельцина" затеяли незаконное освобождение Шеремета, а он отказался от адвокатов. Лукашенко бросил в зал ложь. Учительство благодарно проглотило. "Знаете, почему он отказался от адвокатов? — спросил Лукашенко и ответил, заранее зная реакцию электората. — Он из тюрьмы выходить не хочет! "

Сеятели юных душ засмеялись, продемонстрировав контакт с трибуном-шутником.

Над шутками диктатора смеются нищие духом. Потерявшие собственное достоинство и ломающие тех, у кого оно живо. Многих учителей в общественном развитии переросли их нынешние ученики. Дети отказываются покупать школьные дневники с директивной госсимволикой, вернувшейся в Беларусь из развитого социализма, а учителя заставляют. Ученики рвутся на оппозиционные митинги, наставники не выпускают из класса.

Политика в школьном классе не совершит много добра, но добро ли — конвейерное производство лакеев? Веселое учительство забыло, что ученики

— в тюрьме. Алексей Шидловский и Вадим Лабкович сидят за то, что ночью разукрасили центр города Столбцы антилукашенковскими надписями и на административных зданиях заменили государственные флаги национальными. В камере ребята объявляли голодовку. К ним не пускают матерей.

Учителя это знают — и ржут хором. Подзаряжают президента геологической силой, достаточной для свершения белорусского землетрясения.

Вид исчезающий — находящийся под угрозой полного вымирания биологический вид. Численность сохранившихся особей недостаточна для самоподдержания популяций в естественных условиях. Требуется особо тщательных специальных мер по охране, а иногда и искусственному воспроизводству. Имеет благоприятные генетические возможности для дальнейшего приспособления к новым условиям среды. В целях спасения заносится в *Красную книгу*.

Электорат Лукашенко — то же, что исчезающий биологический вид. В целях сохранения искусно поддерживается мелкими подачками, обильными обещаниями, ловкими шутками. Занесен в проекты по восстановлению недавнего прошлого. Несмотря на принятые меры, численность особей сокращается. Эволюционная перспектива — отсутствует. Как у пня.

1998